

Линь Баньсин — выходец из семьи нуворишей. Его родители, познавшие нужду, добившись успеха, не страдали высокомерием, и сам Линь Баньсин рос человеком простодушным и беспечным.

С детства окруженный роскошью, он привык сорить деньгами, если был в хорошем настроении. Не знаящий жизненных невзгод, он оставался наивным и добрым малым. Поступив в престижную межзвездную школу, он сразу привлек внимание местных «авторитетов» своим вызывающе дорогим стилем одежды. Его сделали своим номинальным лидером: у этих ребят водились деньги, но по сравнению с состоянием Линь Баньсина они выглядели нищими.

Они признали его главным, и теперь любые свои пакости сваливали на него, утверждая, что действуют по указке босса. Со временем в школе стали побаиваться самого Линь Баньсина.

Линь Баньсин прекрасно понимал, зачем эта компания снова пришла к нему — разумеется, у них закончились деньги. Они прикрывались благородными целями, якобы собирая средства на расширение своего «бандитского» влияния, хотя на деле просто проматывали всё на развлечения. Прежний владелец этого тела был донельзя глуп.

Под прицелом взглядов всего класса Линь Баньсин подошел к дверям. Цзян И отложил ручку — писать дальше он уже не мог.

Парни, расплываясь в угодливых улыбках, закинули руки на плечи Линь Баньсину и повели его в коридор. Линь Баньсин бесшумно увернулся от их прикосновений и спросил:

— Что вам от меня нужно?

Крепкого телосложения парень просиял:

— Босс, у нас закончились средства на деятельность. Мы тут присмотрели одного новичка, парень — что надо, настоящий талант, но есть проблема...

— Какая? — спросил Линь Баньсин. Это был Чэн Люй, считавшийся его правой рукой.

Чэн Люй почесал затылок, смущенно хихикая:

— Да понимаешь, он просто бредит рестораном Парящий чертог. Сказал, что вступит в нашу банду, только если мы сводим его туда пять раз. Наши прежние запасы ушли на один поход, так что... босс, как быть?

Линь Баньсин давно знал, зачем они приходят, но, услышав это, все равно разозлился, чувствуя несправедливость по отношению к прежнему хозяину тела. Парящий чертог был элитным рестораном с закрытой клубной системой. Обычные люди о нем даже не слышали, не говоря уже о том, чтобы выдвигать столь нелепые требования. Очевидно, они просто подсели на еду, которой их угощал Линь Баньсин, и теперь придумывали предлоги.

— А у этого парня хороший вкус, — заметил Линь Баньсин.

— Еще бы! Мы же кого попало не берем, — Чэн Люй, видя, что дело выгорает, не мог скрыть довольной улыбки. — Мы этого парня обязательно заполучим. Для других такое требование — сказки, а для босса — раз плюнуть!

— Хотя я и босс, но вы тоже члены организации. Вам нужно нарабатывать опыт, нельзя же вечно полагаться только на меня. Как считаете? — Линь Баньсин приподнял бровь.

— Да-да, босс прав, нам нужно учиться самим! — поддакнули остальные.

— Ну так что насчет средств? — осторожно поинтересовался Чэн Люй.

— Раз вам нужен опыт, то и займитесь этим сами. У меня дела, так что я пойду. Удачи, я в вас верю.

Сказав это, Линь Баньсин развернулся и вернулся в класс, не заботясь о том, как они на это отреагируют.

Чэн Люй опешил, а когда Линь Баньсин отошел достаточно далеко, его лицо исказилось от злости.

— Какое еще занимайтесь сами? Денег у него небось не осталось, вот и строит из себя богача. Терпеть не могу таких типов.

Остальные подхватили:

— Верно, главарь! И это он еще наш босс? Тьфу!

— Главарь, так что, в Парящий чертог не идем?

— Идем, идем... иди ты к черту! У тебя деньги есть? — Чэн Люй отвесил ему пинка.

— Главарь, ну у тебя же есть, ты в прошлый раз целый бар арендовал.

— С чего бы мне тратиться на вас? Губу раскатали, валите отсюда!

Чэн Люй занервничал: тот бар оплатил Линь Баньсин, а он просто присвоил себе лавры, за что его и сделали «главарем». Не добившись денег, он в ярости увел свою свиту.

Вернувшись в класс, Линь Баньсин снова поймал на себе любопытные взгляды одноклассников. Он прошептал 420:

— Как же хорошо быть школьником. Столько юности.

— Хозяин, разве жизнь школьника — это счастье? Мне бы так хотелось это пережить, — отозвался 420.

— Да, счастье.

— Я когда-нибудь тоже попробую! — наивно заявило 420.

Успешно пообеда систему вокруг пальца, Линь Баньсин в отличном настроении вернулся на свое место. В глазах Цзян И это выглядело так: Линь Баньсин куда-то сходил и вернулся с сияющей улыбкой. Видимо, у него много друзей, и отношения с ними самые теплые.

Линь Баньсин сел за парту, увидел, что Цзян И всё еще решает задачи, и наклонился к нему:

— Урок начался! Меняй учебник!

Цзян И остановился, поднял голову и посмотрел на кафедру — урока не было. Он молча отвел взгляд и равнодушно посмотрел на Линь Баньсина. Увидев такую реакцию, Линь Баньсин понял, что его шутка удалась, и рассмеялся — открыто, искренне, с озорным блеском в глазах.

В его глазах отразился Цзян И. Этот смех словно проник в самую душу парня. Цзян И замер, глядя на Линь Баньсина, и вдруг его нахмуренные брови расслабились, в глазах промелькнула улыбка, а уголки губ едва заметно дрогнули. Это длилось лишь мгновение, но Линь Баньсин успел это заметить.

Эта улыбка была подобна грохоту лавины, сошедшей с ледника, который не таял тысячи лет. Мрак, окутывавший Цзян И, был развеян одним лишь этим смехом. Его черты лица, и без того безупречные, ожили, и произведенное им впечатление усилилось в десятки раз.

Сердце Линь Баньсина пропустило удар, а затем забило в бешеном ритме. Он не удержался и выпалил:

— Тебе так идет улыбка. Улыбайся чаще.

Сразу после этого Линь Баньсин увидел, как лицо Цзян И снова стало холодным. Тот, словно осознав свою оплошность, опустил голову и положил на парту книгу. Это был учебник древнекитайского. Линь Баньсин снова рассмеялся:

— Следующий урок — межзвездный язык.

Цзян И молча убрал одну книгу и достал другую. Он не смотрел на Линь Баньсина, но его уши стали пунцовыми. Линь Баньсину хотелось смеяться еще сильнее, но, глядя на такое смущение, он сдержался.

На уроке межзвездного языка Цзян И вернулся к своему привычному ледяному образу, но Линь Баньсина при одном взгляде на него разбирал смех. К концу урока у него уже разболелся живот от усилий сдерживаться.

— 420, я больше не могу, у меня живот болит. Быстро, дай мне восстанавливающую пилюлю! — прошептал он.

— Дзынь! Обмен прошел успешно! — предметы из системы действовали мгновенно, и боль сразу прошла.

— Хозяин, неужели это было так смешно? Береги здоровье! — забеспокоилось 420.

— Ага, очень интересно. Теперь я с нетерпением жду наших заданий, — в глазах Линь Баньсина всё еще плясали искорки. — Кстати, Цзян Чжиге не предпринимает никаких действий?

420, лежа на своей маленькой кровати, раскинуло руки и ноги:

— Хозяин, с того момента, как мы прибыли, он всё время пропадает в игорном доме. Выигрывает довольно много. Согласно моему анализу, когда у него есть деньги, он не трогает мать Цзян И.

— Хорошо, продолжай следить. Нельзя терять бдительность. Сейчас еще рано, вполне возможно, что в итоге он проиграется в пух и прах, — ответил Линь Баньсин.

Время летело быстро. Из четырех дневных уроков три уже закончились. Прозвенел звонок, учитель вышел из класса, и ученики оживились. Кто-то пошел гулять, кто-то вытирал доску, кто-то собирал тетради, а кто-то досыпал.

В это время Цзян И взял свою кружку и встал. Увидев, что он собирается выйти, Линь Баньсин тоже поднялся. Заметив кружку, он понял, что Цзян И идет в комнату с питьевыми автоматами:

— Я с тобой. Три урока просидел, нужно размяться.

Цзян И кивнул, и они вместе вышли из класса. Едва они оказались в коридоре, как столкнулись с Чэн Люем. Тот шел развязной походкой, держа в руках стакан чая с молоком. Увидев Линь Баньсина, он замялся, а его выражение лица стало странным.

Линь Баньсин присмотрелся и заметил, что в розовом пакете, помимо чая, лежит букет розовых роз. Он всё понял, похлопал Цзян И по плечу, прося подождать. Цзян И с интересом наблюдал за происходящим — он помнил, что этот парень был из окружения Линь Баньсина.

— Чэн Люй, принес мне чай? Как удачно, только из класса вышел и сразу тебя встретил. Давай сюда.

Чэн Люй спрятал руку с чаем за спину:

— А... да, точно, какая удача, босс. — Он сжал стакан еще крепче.

Линь Баньсин заметил это движение, усмехнулся и протянул руку, требуя отдать напиток. Чэн

Люй, мучимый внутренним конфликтом, с неохотой вытащил чай и протянул его Линь Баньсину. Тот принял стакан, бросил на него взгляд и улыбнулся:

— Неплохо. Видишь, босс не зря тебя любит.

Лицо Чэн Люя почернело, он сжал зубы, чтобы не сорваться:

— Это мой долг... мой долг.

Линь Баньсин ослепительно улыбнулся ему, затем вытащил из пакета розовые розы и протянул их обратно:

— Эти цветы мне не нравятся, заberi. В следующий раз приноси просто чай, без всякой мишуры.

Чэн Люй оскалился, губы его дрожали, но он сдержался и молча взял цветы.

— Ладно, спасибо, я пошел, — бросил Линь Баньсин и потащил Цзян И за собой.

Как только они отошли, Чэн Люй перестал притворяться и рявкнул на свою компанию:

— Чего уставились? Валите отсюда! Еще раз посмотрите — пришибу!

— Чэн Люй! Что ты сказал?! Повтори! — откуда ни возьмись появился завуч и ухватил его за ухо.

Чэн Люй мгновенно сжался.

— Живо в класс! — завуч грозно взглянул на него и, убедившись, что всё спокойно, пошел дальше по своим делам.

Проводив взглядом завуча, Чэн Люй посмотрел на розы в своей руке и вспомнил про лимитированную коллекцию чая, ради которой он прогулял уроки и отстоял часовую очередь.

— Черт!

Сидевший неподалеку ученик испугался, закрыл книгу и бросился наутек, опасаясь неадекватных выходок парня. Чэн Люй смотрел на розы. Он уже давно ухаживал за новенькой. Услышав, что она хочет этот популярный чай, он прогулял занятия, купил букет и планировал подарить его после урока — теперь всё было испорчено Линь Баньсином. Он считал того своим боссом, а тот, выходит, и правда возомнил себя хозяином положения.

— Линь Баньсин, ты у меня еще попляшешь.

Тем временем Линь Баньсин и Цзян И дошли до питьевой. Цзян И был умен и сразу понял, что отношения между ними не такие уж и теплые. Как ни странно, его настроение заметно улучшилось.

Линь Баньсин, прислонившись к стене, пил чай, который принес Чэн Люй, и наблюдал, как Цзян И набирает воду. Он посмотрел на его термос и спросил:

— Ты пьешь холодную воду или напитки со льдом?

— Нет, — Цзян И закрыл крышку термоса и посмотрел на Линь Баньсина. — Я закончил, пошли.

Линь Баньсин оттолкнулся от стены и пошел следом:

— Летом так приятно выпить чего-нибудь ледяного. Не хочешь попробовать?

Цзян И боялся холода — всё ледяное напоминало ему о болезненных воспоминаниях. Ледяная вода для купания, еда, простоявшая весь день на морозе — именно так он пережил зиму, когда Хэ Янь лежала в больнице. Цзян И сжал термос и промолчал.

Линь Баньсин улыбнулся:

— Ты точно проживешь долгую жизнь. Ешь молча, пьешь только горячее, избегаешь холода — с таким здоровым образом жизни долголетие обеспечено.

— Не факт.

Линь Баньсин, услышав это, хотел было привести его привычки в доказательство своей правоты, но внезапно вспомнил, что ждало Цзян И в оригинальном сюжете. Сердце болезненно кольнуло, и он серьезно сказал:

— Точно.

— С чего такая уверенность? — Цзян И опустил взгляд и увидел лицо Линь Баньсина.

В отличие от его обычного дурашливого вида, сейчас он был серьезен, брови слегка нахмурены, а во взгляде читалась решимость. Это вызвало у Цзян И интерес.

Линь Баньсин остановился, положил руку на плечо Цзян И и, пристально глядя ему в глаза, проговорил:

— Во-первых, ты мой друг, и я позабочусь, чтобы ты жил долго. А во-вторых, ты очень хороший человек, и судьба будет к тебе благосклонна.

Цзян И остановился. Он инстинктивно хотел сбросить руку с плеча, но слова Линь Баньсина заставили его замереть. Он молча смотрел на Линь Баньсина, затем невозмутимо убрал его руку со своего плеча и спросил:

— А разве долгая жизнь — это благо?

Его не раз посещали мысли о самоубийстве, еще с самого детства, но он боялся. Повзрослев,

он не мог бросить мать, у него даже появлялись мысли уйти вместе с ней, но этот подонок всё ещё жил, так почему они должны мучительно бежать?

Линь Баньсин открыл было рот, чтобы ответить, но прозвенел звонок. Цзян И, казалось, не хотел слышать ответ, и лишь сухо бросил:

— Возвращаемся в класс.

Линь Баньсин последовал за ним. Вскоре пришел учитель, Цзян И снова слушал лекцию и решал задачи, а Линь Баньсин всё думал над его словами.

— 420, долгая жизнь — это действительно благо?

420 в этот момент делало маску из огурцов. Несколько кружочков лежали на его пухлом личике. Услышав вопрос, оно немедленно открыло глаза.

— Хозяин, что случилось? Ты впервые задаешь такой вопрос.

— Всё в порядке. Просто думаю о Цзян И. Для него долгая жизнь — это хорошо? — Линь Баньсин снова вспомнил финал оригинальной истории, и настроение упало.

420 сняло огуречные кружочки и, следуя принципу безотходности, начало их жевать.

— Хозяин, в оригинальной истории для Цзян И, когда не стало матери, долгая жизнь не была благом. Но теперь, в этой реальности, всё еще можно исправить.

<http://bllate.org/book/21343/2166371>